Текст · 5 февраля 2020, 08:39
Виталий Васильченко,

Институты национальной памяти. Открытие архивов и доступ к документам спецслужб в Восточной Европе

Люстрация — да или нет? «Медиазона» и *Deutsche Welle* продолжают изучать опыт посткоммунистических стран Восточной Европы, перед которыми уже 30 лет назад встал вопрос о том, как реформировать безнадежно скомпрометировавший себя государственный аппарат и не допустить к власти тех, кто был причастен к преследованию инакомыслящих. В третьем материале этой серии Виталий Васильченко объясняет, почему предпринятые этими странами попытки открыть архивы спецслужб пока сложно назвать удавшимися.

Кто сжег десятки тысяч доносов

В феврале 2018 года президент Польши и член консервативной партии «Право и справедливость»[1] Анджей Дуда принимает, пожалуй, одно из самых спорных решений в своей карьере: несмотря на громкие протесты внутри страны и за рубежом, он подписывает поправки в закон об Институте национальной памяти[2].

Этот институт и без того имеет довольно неоднозначную репутацию польского «министерства памяти», в котором заправляют историки и прокуроры, чьи политические позиции нередко склоняются к крайне правым. В их полномочия

входят исследования преступлений нацистского и коммунистических режимов против польского населения в 1939 — 1989 годах, а с 2006 года — еще и люстрационные процессы.

Поправки предполагали уголовное наказание за публичные высказывания о причастности поляков к массовому уничтожению евреев во время Холокоста — несмотря на документальные доказательства этого факта. Запрещал закон и отрицание принятой в Польше версии преступлений украинских националистов на территории Волыни[3]. Однако через полгода под международным давлением и перед лицом неизбежных исков в суд Европейского союза и в Европейский суд по правам человека польский сенат все же отозвал часть поправок, связанных с уголовным преследованием.

Громкий международный скандал отлично иллюстрирует статус одной из самых заметных и спорных институций Европы, в ведении которой находятся архивы коммунистических спецслужб. Институт национальной памяти (ИНП) — одновременно самый крупный архив Польши, научно-исследовательский институт, издательство, крупное образовательное учреждение, независимый орган государственной власти, отдельный орган судебной системы, а также орган, ответственный за люстрацию. Неудивительно, что такое количество организаций под одной крышей регулярно приводит к внутренним конфликтам, которые годами не сходят со страниц прессы: на протяжении последних десяти лет ИНП не покидает первых строчек в рейтингах упоминания государственных учреждений в польских медиа. Споры об архивных

фондах в свою очередь определяют общественную жизнь с конца девяностых.

Силовой аппарат коммунистической Польши обладал одним из наиболее обширных архивных фондов во всем Восточном блоке: по оценкам историков, уже к 1953 году центральный регистр насчитывал более 5 млн досье на польских граждан «разной степени неблагонадежности». При этом все население Польши в 1950-х составляет не более 26 млн человек. В шестидесятых спецслужбы начинают шифровать отдельные досье и разбивать их на несколько частей, чтобы предотвратить потенциальные утечки, тем самым усложняя будущую работу историков и прокуроров. Более того, после смерти Сталина политическая полиция регулярно уничтожает наиболее компрометирующие ее действия материалы. Исследователи сходятся в оценке, что к концу семидесятых число досье на граждан Польши в Службе безопасности[4] все еще превышает 3 млн, в контрразведке — около 400 000.

Тем не менее точное количество архивных данных спецслужб в Польше, как и в любой другой стране бывшего коммунистического блока, по многим причинам с трудом поддается оценке. Страны Балтии, к примеру, вообще столкнулись с ситуацией, когда большинство архивов КГБ было вывезено в Москву. В этом смысле там сложно говорить о полноценном открытии архивов — в распоряжении стран после выхода из состава СССР остались лишь разрозненные, не поддающиеся полноценной оценке на аутентичность картотеки, перешедшие в управление заново созданным спецслужбам. Похожая ситуация сложилась и в Хорватии, поскольку

после распада Югославии архивы коммунистических спецслужб остались в Белграде.

С середины 1989 года документы коммунистических спецслужб систематически уничтожаются во многих странах Восточной Европы. Так, в январе 1990 года журналисты польской газеты «Выборча» обнаружили неподалеку от Кракова полигон, где заново созданная и теперь уже демократическая Служба государственной безопасности[5] сжигала старые архивные документы. Находка спровоцировала политический кризис, и во время парламентских слушаний министр внутренних дел Кшиштоф Козловский признал, что было уничтожено 40-50% материалов спецслужб. Среди них — документы, касавшиеся христианских активистов и профсоюза «Солидарность». Более того, по словам министра, который сам когда-то был активистом профсоюзного движения, с середины семидесятых ключевые информаторы спецслужб не подписывали никаких бумаг и сотрудничали лишь на основе устных договоренностей. Политическая, культурная и церковная интеллигенция была слишком умна и осторожна, чтобы подписывать документы Службы безопасности, рассказывал в парламенте один из занимавшихся вербовкой агентов.

В 1998 году коалиции правых сил удается провести через польский парламент закон об Институте национальной памяти; формирование самого учреждения началось лишь в 2000 году. Первая версия закона — он будет изменен под влиянием партии «Право и справедливость» в 2005 году — давала гражданам Польши право получить свидетельство о том, были ли они

объектами интереса спецслужб. По сути, ИНП просто выдавал человеку справку о том, имелось ли в сохранившихся архивных документах какое бы то ни было упоминание его имени и фамилии. Имея на руках такое свидетельство, потерпевшие — люди, которые находились в разработке спецслужб — могли запросить копии архивных документов и узнать имена агентов, информаторов и доносчиков. Лишь в 2005 году, после решения Конституционного суда, граждане получили право заглянуть в оригинал составленного на них досье — правозащитники смогли доказать, что ИНП отправлял потерпевшим частично цензурированные копии. С похожей проблемой столкнутся почти все страны бывшего Восточного блока.

Заканчивается становление этой институции громким скандалом в середине нулевых. При до сих пор не выясненных обстоятельствах главный редактор правоконсервативной газеты «Речь Посполита» Бронислав Вильдштейн получил список из 162 617 имен, документы на которых, по его утверждению, находились в Институте национальной памяти. Копии списка на CD-- дисках Вильдштейн передал журналистам своей газеты — позже он объяснял, что сделал это, руководствуясь идеалами расследовательской журналистики. Уже через несколько дней имена из «списка Вильдштейна» утекли в интернет. Из этого перечня трудно понять, идет ли речь об информаторах и бывших сотрудниках Службы безопасности или же, наоборот, о потерпевших от ее действий.

Бюджет национальной памяти

Другие страны коммунистического блока тоже создают свои институты национальной памяти, которые должны обеспечить доступ к архивным документам с целью национального примирения. В отличие от немецкого «ведомства Гаука»[6]-

, создание институтов национальной памяти в Восточной Европе затягивается до середины нулевых и ожидаемо становится результатом долгих политических конфликтов в местных парламентах.

Первым подобным учреждением считается основанная в 1996 году венгерская Историческая служба[7], за которой следуют уже упомянутый

польский Институт национальной памяти в 1998 и румынский Национальный совет по изучению документов спецслужб[8] в 1999 году. В середине

нулевых подобные учреждения открываются в Словакии (Институт народной памяти[9]) и Чехии (-

Институт изучения тоталитарного режима[10]).

Несмотря на схожие названия ведомств и общую цель — рассекречивание документов бывших коммунистических спецслужб и предоставление доступа потерпевшим к их досье, каждый из институтов получает очень разные полномочия, уровень независимости от центральной власти и, как следствие, порой диаметрально противоположные оценки со стороны историков и активистов.

Ключевое формальное различие между институтами в разных странах — их бюджет. Например, финансирование польского ИНП сегодня составляет

50 млн евро в год при 2 200 сотрудниках.
Около ста прокуроров института имеют статус государственных обвинителей и подчиняются напрямую заместителю Генпрокурора Польши, они получают самые высокие зарплаты внутри структуры и в значительной степени независимы от министра юстиции. За первые десять лет работы прокурорам — так называемой Главной комиссии внутри ИНП — удалось провести больше 10 000 расследований, по результатам которых они подали в суд материалы в отношении примерно пятисот человек, треть из которых были признаны виновными.

На этом фоне меркнут чешский Институт изучения тоталитарного режима с бюджетом 7 млн евро и 260 сотрудниками или венгерский Архив государственных служб безопасности[11] с бюджетом 2 млн евро и 99 сотрудниками.

Иллюстрация: Анна Макарова / Медиазона

Национальное примирение — не место для дискуссий

Архивная работа с документами спецслужб неизбежно сопряжена с проблемой интерпретации недавнего прошлого. Институты национальной памяти в Польше, Чехии и Словакии провозглашают своей целью изучение диктатуры, формально включая в ее временные рамки и период нацистской

оккупации — но в действительности работа архивов фокусируется на коммунистическом режиме. Дебаты о том, какой момент взять отправной точкой для проработки авторитарного прошлого, отражаются в тексте законов и в свою очередь задают направление последующим политическим дискуссиям.

Венгрия. Первый закон о венгерской Исторической службе вообще не оговаривает отрезок времени, которым она должна заниматься. Более того, следуя принятой в Венгрии модели легких люстраций и мягкого перехода к демократии, парламент отказывается включить ясную критику прошлого режима даже в преамбулу этого документа, имеющего довольно высокое символическое значение. Поправки 2003 года все же определяют временные рамки — от формирования просоветского правительства 21 декабря 1944 года до 14 февраля 1990 года, когда официальным указом главы государства были распущены прежние коммунистические спецслужбы. Но официальное признание предшествующего режима диктатурой остается за пределами текста закона.

С другой стороны, благодаря поправкам сильно расширяется круг лиц, которым разрешается доступ к архивным документам спецслужб. Потерпевшие и третьи лица[12] получают право прямого доступа к связанным с ними документам, а также возможность узнать имя сотрудника, который вел их дело. Ученые в свою очередь получают более широкие полномочия и возможность изучения всех архивных документов за исключением тех, которые могут нарушить право на частную жизнь потерпевших — например, касаясь их

сексуальной ориентации, гендерной идентичности, религиозных убеждений или состояния здоровья.

Наиболее интересное нововведение содержится в пятой статье закона, согласно которой каждый гражданин Венгрии имеет право узнать о преступлениях режима — при условии того, что все персональные данные потерпевших будут обезличены, как и обстоятельства, позволяющие их вычислить. Анонимизация должна не допустить «диких люстраций» населением соседей, знакомых или конкурентов. Теперь закон прямо указывает, что это базовое право демократии — возможность получить информацию о связях с политической полицией людей, принимающих решения в современной Венгрии, или об их деятельности в качестве доносчиков и информаторов.

Люстрация не то, чем она кажется. Как страны Восточной Европы разбирались со своим недавним прошлым

Исследователи и потерпевшие жалуются, что в реальности доступ к документам осложнен: бюрократические препоны, долгий процесс аккредитации и выдачи документов, а также местами слишком вольная интерпретация сотрудниками архивов информации, которая подлежит обезличиванию. Подобная практика заставляет отдельных историков говорить о намеренной цензуре, ведь из документов, касающихся наиболее заметных событий прошлого, вырезаются важные факты и имена представителей элиты — а это, в частности, ведет к тому, что журналисты проводят собственные расследования или спекулируют на том, кто стоит за тем или иным анонимизированным именем. При этом общественный интерес к подобным вопросам остается предельно низким — дискуссии об ответственности за преступления режима все еще остаются уделом тонкой прослойки интеллигенции и университетских интеллектуалов.

Румыния. Здесь законодатели идут совсем другим путем: закон об архивах и Национальном совете по изучению документов спецслужб, которому также полагалось проводить люстрационные процессы, прямо проговаривает: коммунистическое руководство страны на протяжении долгих десятилетий осуществляло политический террор по отношению к румынскому населению и последовательно нарушало его фундаментальные права и свободы.

Временные рамки, которые задает этот закон — от 5 марта 1945 года[13] до 22 декабря 1989 года.

Верхняя граница — дата крупнейшей демонстрации

в ходе румынской революции — выбрана неслучайно: она помогает дистанцироваться от расстрела семьи Чаушеску 25 декабря 1989-го.

Впрочем, у сосредоточенности закона на преступлениях просоветского режима немало критиков, которые уверены, что фашистская диктатура маршала Йона Антонеску тоже должна получить свою правовую оценку. Они указывают, что румынские спецслужбы и политическая полиция были созданы еще во время правления фашистского режима, после падения которого и разворота к коммунизму большинство сотрудников среднего и нижнего звена сохранили свою работу. Считается, что именно эта преемственность обеспечила румынской политической полиции репутацию одной из самых безжалостных и жестоких в Европе. Перед вступлением Румынии в состав Европейского союза в 2007 году закон обновили — и коммунистический режим теперь оценивается в нем как диктатура.

Доступ к архивам потерпевшие получали по большей части по польской модели, однако с некоторыми важными отличиями: во-первых, закон распространяется не только на граждан Румынии, но и на тех, кто давно вышел из гражданства. Кроме того, ознакомиться с документами могут и наследники потерпевших.

Тем не менее в январе 2008 года Конституционный суд Румынии признал отдельные положения закона о доступе к архивным документам противоречащими Конституции. Истцом стал консервативный политик и медиамагнат Дан Войкулеску, чьи адвокаты сделали нестандартный ход в процессе рутинной

люстрационной апелляции: по их мнению, прописанный в законе статус Национального совета по изучению документов спецслужб как автономного учреждения под контролем парламента не предусмотрен Конституцией и противоречит принципу разделения властей из-за полученных им полномочий прокуратуры и суда по люстрационным процессам. Более того, учитывая опыт казни семьи Чаушеску по решению «чрезвычайного трибунала», последние запрещены в Румынии законом, однако, настаивают адвокаты, Национальный совет обнаруживает именно такие свойства.

Конституционный суд неожиданно согласился с аргументами Войкулеску и признал в его случае нарушение прав человека, а именно — права на справедливый суд. Решение суда лишило Национальный совет полномочий в люстрационных делах и сыграло на руку либеральному правительству Кэлина Попеску-Тэричану — он сам и его окружение как бывшие коммунисты были затронуты расследованиями совета. После реформ в конце нулевых институция сохранила за собой только архивные функции.

В Польше, Словакии и Чехии институты национальной памяти с самого начало четко ассоциируются с антикоммунистической трактовкой прошлого и правым политическим лагерем. Законы о польском Институте национальной памяти и словацком Институте народной памяти принимаются в так называемых декоммунистических пакетах — польский вариант закона, к примеру, однозначно

оценивает предыдущую политическую систему как оккупационный режим.

Кроме того, в конце девяностых польский парламент под давлением консерваторов принимает резолюцию, в которой четко проговаривается: коммунистическая Польша — это государство бесправия и тоталитаризма. В Словакии попытка принять подобную резолюцию провалилась, хотя в стране с 1996 года действует закон «о противоречащем морали и праву характере коммунизма». В Чехии с 1993 года существует закон «о неправомочности коммунистического режима и легитимности сопротивления». Все эти законы однозначно называют коммунизм преступной формой правления и впоследствии становятся основой для соответствующих законов об институтах национальной памяти.

Показательно, что чешский парламент принимает закон только с третьего раза: документ называет тоталитарным весь период коммунизма, включая реформаторский социализм эпохи Пражской весны — при этом многие из ее деятелей после распада Восточного блока вернулись в политику, активно участвовали в событиях бархатной революции и считались героями чешского гражданского общества. Доступ к материалам спецслужб в Чехии и Словакии осуществляется все по той же польской модели без румынских и венгерских новаций.

Иллюстрация: Анна Макарова / Медиазона

Токсичный правый мусор

Неудивительно, что такая однозначная и безапелляционная оценка событий недавнего прошлого вызывает продолжительные общественные дебаты. Если вывести за скобки политические несвободы, считают ее критики, коммунистические режимы смогли добиться больших успехов в социальной политике, например, в сфере репродуктивного здоровья и доступа к образованию. Впрочем, такие более многосторонние оценки не смогли занять свое место в политическом мейнстриме.

По мнению критиков, институты национальной памяти — это такие же органы власти, чье руководство напрямую связано с правящими партиями и проводит их политику в вопросах толкования и оценки прошлого. Представители этих институций всегда подчеркивают свою беспристрастность и службу задачам национального примирения, однако трудно не заметить их идеологической близости к консервативному лагерю. Политические партии каждый раз придают большое значение процессу назначения их руководителей. В Польше выборы первого главы Института национальной памяти заняли полтора года — столько времени потребовалась консерваторам, чтобы убедить несколько небольших партий отдать голоса за их кандидата. Подобные конфликты возникают и в Чехии с Румынией.

Впрочем, антикоммунистическое рвение в конечном итоге способствует открытости: стремясь вскрыть

как можно больше фактов сотрудничества левых со спецслужбами, законодатели последовательно расширяют полномочия институтов национальной памяти и круг доступных документов. Другое дело, что обществом открытие архивов, как и люстрации, во многом воспринимаются как политическая борьба и сведение счетов с политическими конкурентами. Например, в Польше преодоление вето социал-демократического президента Александра Квасневского, выступавшего против закона об Институте национальной памяти, сопровождается кампанией по его диффамации со стороны правых.

Именно эта связь открытия архивов и создания многозадачных институций с правым политическим лагерем (в случае Польши еще и католически-консервативным) — та самая пропасть, которая пролегла между поколением новых профессиональных политиков и поколением либеральных диссидентов и активных участников бархатных революций, выступавших за мягкие стратегии преодоления и проработки коммунистического прошлого во избежание дальнейшей поляризации общества.

Так, в 2009 году экс-президент Чехии и, пожалуй, самый известный диссидент Восточной Европы Вацлав Гавел подписывает петицию с требованием отставки президента Института изучения тоталитарного режима — он делает это в ответ на публикацию, которая называет другого известного диссидента, Йошку Скальника, бывшим информатором спецслужб. А польская газета «Выборча» и ее многолетний главный

редактор и экс-диссидент Адам Михник — самый заметный критический голос страны в вопросах люстрации и деятельности Института национальной памяти. В Словакии бывший министр юстиции Ян Чарногурский, консервативный политик и один из важных участников демократического движения в Чехословакии, бесплатно представляет в суде интересы людей, которых Институт народной памяти признал коллаборантами с коммунистическим режимом.

Своей кульминации практика политических назначений руководителей архивных ведомств достигает в Польше, когда Институт национальной памяти объявляет, что Лех Валенса, критически настроенный по отношению к правоконсервативному лагерю бывший президент и один из лидеров профсоюзного движения «Солидарность», — агент коммунистических спецслужб. Впоследствии суд признал эти обвинения беспочвенными. История с обвинениями в адрес Валенсы во многом отражает фундаментальную претензию к документам спецслужб: хранящиеся в архивах материалы не являются неоспоримым отражением действительности.

Чешские критики называют архивы спецслужб токсичным мусором: любое досье чаще всего представляет собой одностороннее описание, составленное работником среднего звена, выполнявшим план по поиску инакомыслящих и политически неблагонадежных. Документы напрямую передают лишь информацию о внутренней кухне спецслужб, а не

объективно установленные случаи сотрудничества информаторов и агентов.

Аутентичность описанных в отдельных материалах событий и фактов — ключевая проблема, которая становится перед апелляционными инстанциями в странах Восточной Европы, а затем и перед ЕСПЧ в вопросах права на справедливый суд. Искаженную перспективу этих документов подтверждают и сами сотрудники институтов национальной памяти, а к концу девяностых среди участвующих в люстрационных процессах судей оформляется негласное правило не принимать решение на основе одного только досье.

Доносы, засекреченные документы и несправедливый суд. Что думают в ЕСПЧ о люстрации в странах Восточной Европы

Еще один критический голос в адрес институтов национальной памяти оформился в последние годы: исследователи, историки и журналисты в открытых

письмах в Польше, Венгрии и Чехии выступают против вольной трактовки положений, позволяющих отказывать в доступе к документам. Так, многие материалы о переломных моментах в истории этих стран оказались засекречены под предлогом государственной тайны.

С годами усложняется и процесс аккредитации исследователей — он непрозрачен и, по совпадению, приоритет зачастую получают историки, обслуживающие интересы правящих партий. В Венгрии аккредитацию получили около 1600 человек, в Румынии — 1200, в Словакии — 740. На их фоне сильно выделяется Польша с 5 400 аккредитованными учеными и 1500 журналистами. Впрочем, цифры здесь обманчивы: как рассказывают польские ученые, всегда переполненный читальный зал главного архива Института национальной памяти в Варшаве, расположенного в десятиэтажном здании, насчитывает всего 20 рабочих мест. Бронировать их надо на несколько недель вперед.

Большинство исследователей соглашается, что преемственность между коммунистическими и демократическими спецслужбами — ключевая проблема в вопросе проработки и преодоления недавнего прошлого. Предложения передать контроль над архивами от государства гражданскому обществу пока так и остаются неуслышанными.

Перепроизводство памяти

Несмотря на непрекращающиеся споры вокруг институтов национальной памяти и архивов спецслужб, интерес граждан стран бывшего

Восточного блока к документам политической полиции остается крайне низким. За два десятка лет существования венгерского Архива государственных служб безопасности всего 10 000 человек подали заявления на доступ к архивным досье. Эта цифра соответствует примерно 0,1% населения Венгрии. В Румынии к началу 2011 года (позже статистику закрыли) — 34 200 заявлений (0,15% населения).

Даже Польша, вкладывающая огромный бюджет в развитие своего Института национальной памяти, не может похвастаться большими цифрами: за все эти годы только 82 000 (0,2% населения) поинтересовались актами спецслужб о себе. Словакия — 10 000 человек (0,18% населения), Чехия — 8 500 (0,09% населения). Политические скандалы, такие как публикация «списка Вильдштейна», приводят к кратковременным вспышкам интереса, однако в долгосрочной перспективе он практически сходит на нет.

Высокий уровень бюрократии и долгий процесс авторизации, частичная анонимизация и цензурирование документов, широкая трактовка информации государственной важности — все это приводит к ситуации, когда доступ в архивы не дает потерпевшим от политического преследования во время коммунистического режима никакой добавочной ценности помимо зачастую и без того известного факта, что человек находился в разработке спецслужб. Не способствует росту интереса и тот факт, что, несмотря на обезличивание, во время изучения документов потерпевшие узнают нелестные подробности о своих близких или знакомых или же о том, какая деликатная

информация о них на протяжении всех этих лет была известна государству.

Историки и активные участники перехода стран Восточной Европы от коммунизма к демократии заключают: в конечном счете институты национальной памяти не справились со своей основной задачей — открыть широкий доступ к документам спецслужб для всех слоев населения и внести свой вклад в процесс национального примирения. Вместо этого они стали полем ожесточенной борьбы между политическими лагерями.

Источники

Schroeder, Friedrich-Christian, and Herbert Küpper. Die Rechtliche Aufarbeitung Der Kommunistischen Vergangenheit in Osteuropa. Frankfurt Am Main Wien [u.a.]: Lang, 2010.

Werle, Gerhard, and Moritz Vormbaum. Transitional Justice. Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg, 2018. Springer-Lehrbuch.

Lau, Carola. Erinnerungsverwaltung, Vergangenheitspolitik Und Erinnerungskultur Nach 1989 : Institute Für Nationales Gedenken Im östlichen Europa Im Vergleich. Göttingen: V & R Unipress, 2017.

Mihr, Anja ; Pickel, Gert ; Pickel, Susanne. Handbuch Transitional Justice. Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden, 2018. Springer Reference Sozialwissenschaften.

David, Roman. Lustration and Transitional Justice: Personnel Systems in the Czech Republic, Hungary, and Poland. Philadelphia, Pa.: U of Pennsylvania, 2011. Pennsylvania Studies in Human Rights.

Unverhau, Dagmar. Lustration, Aktenöffnung, Demokratischer Umbruch in Polen, Tschechien, Der Slowakei Und Ungarn: Referate Der Tag yung Des BStU Und Der Akademie Für Politische Bildung Tutzing Vom 26. — 28.10.1998. 2., Durchges. Aufl.. ed. Münster [u.a.]: Lit, 2005.
Dvořáková, Vladimíra. Lustration and Consolidation of Democracy and the Rule of Law in Central and Eastern Europe. Zagreb: CPI, 2007. Print. Ser. of Political Science Research Centre Forum
Zihang, Hendryk. Die Aufarbeitung Der Kommunistischen Staatssicherheitsdienste in Deutschland Und Polen : BStU Und IPN Im Vergleich. Hamburg: Disserta-Verl., 2013.
Fehr, Helmut. Eliten Und Zivile Gesellschaft : Legitimitätskonflikte in Ostmitteleuropa. Wiesbaden :: Springer Fachmedien Wiesbaden : Imprint: Springer VS, 2014.
Bensussan, Agnès. Die Überlieferung Der Diktaturen : Beiträge Zum Umgang Mit Archiven Der Geheimpolizeien in Polen Und Deutschland Nach 1989. Essen: Klartext-Verl., 2004
Kamiński, Łukasz. Handbuch Der Kommunistischen Geheimdienste in Osteuropa 1944-1991. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2009.
Aldrich, Richard J, and Daniela Richterova. «Ambient Accountability: Intelligence Services in Europe and the Decline of State Secrecy.» West European Politics 41.4 (2018)
Grúňová, Alexandra. NKVD/KGB Activities and Its Cooperation with Other Secret Services in Central and Eastern Europe 1945 — 1989 : Anthology of the International Conference, Bratislava, 14. — 16.11.2007

Goletz, Patricia. «The Transformation Process and Current Problems of the National Memory Institute of Slovakia (Bratislava).» Caietele Echinox 19 (2010)
Petranský, Ivan A. 10 Years of the Nation's Memory Institute. Bratislava: Ústav Pamäti Národa, 2012
Behr, Valentin. «Activist or Armchair Historians? The Makers of Official Historical Narratives at the Institute of National Remembrance.» Revue D Etudes Comparatives Est-Ouest 42.4 (2011)
Fedyszak-Radziejowska, Barbara. «One Step Forward and Two Steps Backward at the Institute of National Remembrance?» The Sarmatian Review XXXII.3 (2012)
Marcin Maruszak. «Some Problems of Selecting and Classifying Records of the Communist Period in following the Regulations of Articles 25 and 27 of the Act from 18th December 1998 on the Institute of National Remembrance — Commission for the Prosecution of Crimes against.» Archiwa — Kancelarie — Zbiory 6(8)/ (2016)
Pintilescu, Corneliu. «Governing Memory in Post-Communist Romania: The Case of the National Council for the Study of the Securitate Archives.» Studia Universitatis Cibiniensis. Series Historica XI Sp (2014)

Редактор: Егор Сковорода

1. Prawo i Sprawiedliwość (PiS).

2. Instytut Pamięci Narodowej (IPN).

3. Массовое уничтожение поляков бойцами Украинской повстанческой армии (запрещена в России) на территории Волыни (запад современной Украины) произошло в 1943 году. По оценкам польских историков, были убиты более 100 000 человек. Украинская сторона признает

ответственность националистов, однако дает вдове меньшую оценку числа убитых, подчеркивая, что их выступления были реакцией на дискриминацию украиноязычного населения со стороны Польши.

4. Służba Bezpieczeństwa

5. Urząd Ochrony Państwa (UOP)

6. Закрепившееся в прессе по имени руководителя название ведомства федерального уполномоченного по архивным документам Штази — Bundesbeauftragter für die Stasi-Unterlagen, сформировалось уже в 1990-1991 годах.

7. Történeti Hivatal (TH)

8. Consiliul Național pentru Studierea Arhivelor Securității (CNSAS)

9. Ústav pamäti národa (ÚPN), 2002 год

10. Ústav pro studium totalitních režimů (ÚSTR), 2007 год

11. Állambiztonsági Szolgálatok Történeti Levéltára (ÁSTL) — учреждение, созданное в 2003 году на базе Исторической службы.

12. Согласно тексту закона, это люди, на которых не было заведено отдельного дела ила досье, но они упоминаются в документах в качестве тех, с кем контактировали потерпевшие — граждане, бывшие объектом разработки со стороны спецслужб.

13. Создание прокоммунистического правительства Петру Гроза.